

Украинский Институт политики
Український Інститут політики
Ukrainian Institute of Politics

Спорные морские юрисдикции в зонах конфликта и конкуренции (на примерах Чёрного, Азовского и Южно- Китайского морей)

Украинский Институт политики
телефон: +380 63 789 3257
e-mail: uiamp2012@gmail.com
сайт: <https://uiamp.org.ua/>

Киев, 2020

Украинский Институт политики

Український Інститут політики
Ukrainian Institute of Politics

Спорные морские юрисдикции в зонах конфликта и конкуренции (на примерах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей)

Киев, 2020

УДК 327.359
ББК 66(4)

Спорные морские юрисдикции в зонах конфликта и конкуренции (на примерах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей). Сборник материалов круглого стола, состоявшегося 6 ноября 2020 г. в г.Киеве. Организаторы – Украинский Институт политики в партнёрстве с кафедрой международных отношений и общественных наук НУБиП Украины. / Под ред. проф. В. М. Якушика. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2020. – 58 с.

ISBN 978-966-489-548-1

Спорные морские юрисдикции в зонах конфликта и конкуренции (на примерах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей). Сборник материалов круглого стола, состоявшегося 6 ноября 2020 г. в г. Киеве. Организаторы – Украинский Институт политики в партнёрстве с кафедрой международных отношений и общественных наук Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

Участники круглого стола:

Руслан Бортник, директор Украинского института политики.

Владимир Крохмаль, зам. уполномоченного Украины в деле о делимитации морских пространств в Чёрном море (2002-2009 гг.), арбитр международных арбитражных институтов.

Виктор Константинов, доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко.

Валентин Якушик, доктор политических наук, политолог, профессор кафедры международных отношений и общественных наук НУБІП.

Пётр Потопахин, аналитик Центра общественно-политических исследований.

Алексей Семений, директор Института глобальных трансформаций.

Александр Данилов, журналист.

Вадим Трюхан, юрист-международник, экс-дипломат.

Владимир Воля, политолог, эксперт-международник.

Андрей Вигиринский, политолог.

Сергей Белашко, политолог.

Сергей Шабовта, эксперт по вопросам безопасности, председатель Всеукраинской ассоциации ветеранов-подводников.

Денис Гаевский, политолог.

Николай Спиридонов, политолог.

Даниил Богатырёв, политолог.

Руслан Бизяев, политолог.

Алексей Якубин, политолог, кандидат политических наук.

Дмитрий Кочергин, журналист, эксперт КиевСтратПро.

Бортник Руслан Олегович

Предисловие модератора дискуссии

Вопросы урегулирования международных споров в зонах конфликта на примерах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей важны для нас поскольку это не только зоны, связанные с украинскими интересами, но и с геополитической точки зрения – вследствие значительных ресурсов, сконцентрированных в этих регионах, а также общемировой значимости торговых путей, проходящих через эти регионы. Данные морские юрисдикции, приведенные в качестве примеров, в настоящее время фактически превратились в узлы экономических политических, геополитических и военных интересов.

Нынешние проблемы в черноморско-азовском бассейне и в Южно-Китайском море (ЮКМ) являются общерегиональными и глобальными международными проблемами стабильности, безопасности и свободы мореплавания для всех стран, имеющих свои интересы в регионе. Невозможно разрешить споры в регионе Чёрного и Азовского морей и ЮКМ только на двусторонней основе между Украиной и Россией, Вьетнамом и Китаем. Необходимо внимание всего мирового сообщества к проблемам, связанным с конфликтами в этих регионах.

Крохмаль Владимир Георгиевич

***Делимитация континентального шельфа в Чёрном море
(спор между Румынией и Украиной)***

Есть смысл начать дискуссию с **решения Международного Суда ООН в деле о делимитации континентального шельфа в Черном море (спор между Румынией и Украиной)**, вынесенного в феврале 2009 г. [1]. Сейчас оно уже утратило общественный резонанс, который первоначально вызвало в обеих странах. Но и сегодня это дело представляет большой доктринальный интерес, хотя бы потому, что, несмотря на ажиотаж, с которым это дело обсуждали и в СМИ и в украинском парламенте, предметный разговор о нём до сих пор не состоялся. В академической литературе оно осталось почти незамеченным. Даже перевод решения суда вышел только в 2012 г. как частная инициатива. Сегодняшний круглый стол даёт возможность несколько исправить такое положение. В октябре 1997 г. между Украиной и Румынией вступил в силу Договор о дружбе и сотрудничестве. Его составной частью стал обмен дипломатическими нотами, содержащий в том числе и договорённости об открытии переговоров о разграничении (делимитации) морского шельфа и исключительных (экономических) зон в северо-западной части Чёрного моря. Стороны также согласились, что если их собственные усилия не увенчаются успехом, то делимитацию должен будет провести Международный суд ООН. За несколько лет переговоров сторонам не удалось сблизить свои позиции.

В сентябре 2004 г. Румыния задействовала суд для решения спора и через четыре с половиной года суд вынес своё решение. В зале суда румынская делегация встретила его аплодисментами и все сразу же заговорили о том, что Украина проиграла спор. На чём же основано такое критическое мнение, которое по сей день доминирует в наших оценках

результатов делимитации. Увы, всего лишь на том, о чём сразу же заявила сама румынская сторона: по суду Румынии отошло 3/4, а Украине – лишь 1/4 так называемого «спорного района». Но что такое этот спорный район? Это площадь приблизительно в 12000 кв. км, очерченная «запросными» линиями, как они были заявлены в ходе переговоров, и которые в свою очередь отражали всего лишь претензии, если не сказать амбиции, сторон в этом споре (см. схему).

В действительности же суд разграничивал не эту мнимую конструкцию, а географическую реальность – морские пространства, заключённые в рамки сложной конфигурации. А здесь фигурируют совсем другие пропорции. **Площадь района делимитации составила более 76000 кв. км, которая была разделена судом в соотношении 1:2,1 в пользу Украины.** При этом протяженность румынского и украинского побережий, создающих проекцию на район делимитации и как результат – право на морские пространства, составила, соответственно, **1:2,8.** В свете

всей предшествующей юриспруденции суда **такой результат является в полной мере справедливым.** Отметим также, что линия делимитации, как её провёл суд, приближена к предложениям, которые Румыния получала ещё на переговорах с СССР в 60-е и 80-е годы XX столетия. Румыния тогда не приняла этих предложений и уже во время украинско-румынских переговоров и далее в Международном суде настаивала на своих правах на более привлекательный, с точки зрения прогнозируемых нефтегазовых ресурсов, участок шельфа к северо-востоку от острова Змеиный. Как видим, суд направил делимитацию в принципиально ином направлении, оставляя этот участок на стороне Украины. Наконец, в этом деле никогда не возникал вопрос о территориальной принадлежности – суверенном титуле Украины – на остров Змеиный или о границах территориального моря вокруг него. У суда попросту не было полномочий рассматривать подобный вопрос. Суд проводил делимитацию пространств, над которыми суверенитет не установлен – континентальный шельф и экономическая зона – где прибрежные государства обладают отдельными суверенными правами и экономическими интересами: рыболовство, разведка и добыча полезных ископаемых, прокладка подводных кабелей и т. д.

Итак, пределы, в которых два соседних государства могут осуществлять эти права и интересы, теперь чётко определены. Стороны могут свободно ввести экономическую деятельность в этом районе. Из двусторонних отношений был устранен серьезный «раздражитель». Всё это – очевидный результат усилий, предпринятых Украиной для мирного разрешения международного спора. Но, кроме того, эти усилия внесли заметный вклад в развитие современной доктрины международного морского права. Так, представляя ГА ООН ежегодный доклад Международного суда, его Президент – в то время японский судья Хисаси Овада (Hisashi Owada) – отметил, что в деле о делимитации континентального шельфа в Черном море суд впервые применил принципы морской делимитации, выработанные во всей его предыдущей практике, в их взаимосвязи. И таким образом показал,

что эти принципы составляют целостный правовой институт, а не являются фрагментарными правилами, продиктованными обстоятельствами конкретных дел.

1. Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine). Overview of the Case. International Court of Justice. <https://www.icj-cij.org/en/case/132>

Трюхан Вадим Валерьевич

Между Украиной и Россией существует международный конфликт, касающийся Чёрного и Азовского морей и Керченского пролива

В течение последних десятилетий наблюдается тенденция к усилению взаимозависимости международного права и политологии. Чем дальше, тем всё больше политические решения начинают доминировать над международным правом. Фактически речь идёт о том, что формула «сила права, а не право силы» теряет свою актуальность. Тот, у кого сила, пока пренебрегает правом.

Такая ситуация стала серьезной угрозой тому мировому порядку, который сложился после второй мировой войны. Гибридная война, развязанная Россией против Украины, является наглядным подтверждением этой аксиомы. И далеко не единственным.

Что следует делать, чтобы сломать эту угрожающую миру тенденцию? Рецепты есть, и они не уникальны.

Во-первых, ни в коем случае не следует идти на поводу у так называемых «сильных». Начиная с терминологии и заканчивая конкретными действиями.

Два примера, касающиеся терминологии:

1). Крым и город Севастополь не являются аннексированными, как это хотелось бы России. Аннексия не является свершившимся фактом. Мы имеем дело с оккупацией Крымского полуострова, попыткой аннексии Крыма, как это *inter alia* указано в Крымской декларации США 2018 г. [1], точнее даже незаконной попыткой аннексии, как говорят ведущие украинские юристы-международники и дипломаты.

2). Между Украиной и Россией нет спора о режиме судоходства в Чёрном и Азовском морях и Керченском проливе. *De jure* он остался таким, каким он был до 20 февраля 2014 г., до момента начала агрессии России против Украины. Хотя *de facto* Россия режим судоходства изменила в одностороннем порядке, нарушив и международное право, и целый ряд действовавших на тот момент двусторонних договоров. Таким образом, существует международный конфликт, начатый российской стороной. При этом Украине не следует вестись на попытки представителей Российской Федерации заякорить тему наличия спора. Ведь признание наличия спора относительно тех или иных территорий Украины, исключительной морской экономической зоны, режима судоходства и т.д. – это путь в никуда. Задача Украины – восстановить *status quo* по состоянию на 20 февраля 2014 г.

С использования выверенной, с точки зрения международного права, терминологии начинается путь к восстановлению нарушенных Россией прав Украины.

Во-вторых, международные соглашения, заключаемые под давлением силы отдельных государств, являются ничтожными. Договор между Украиной и Российской Федерацией о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива от 24 декабря 2003 г. [2] был заключен под давлением России по результатам Тузлинского кризиса. Тот факт, что он был ратифицирован в беспрецедентно сжатые сроки, свидетельствует, что РФ пыталась как можно быстрее закрепить свой дипломатический «успех», приостановив действие Конвенции о морском

праве 1982 г., таким образом получив серьезные выгоды для себя в вопросе трактовки режима судоходства. Понимая это, Украина должна денонсировать этот договор и исходить из того, что по отношению к Азовскому морю и Керченскому проливу действуют положения вышеупомянутой Конвенции.

В-третьих, учитывая доминирование политических решений и права силы над международным правом, целесообразно добиваться фиксации status quo по состоянию на момент до нарушения законных прав того или иного государства. В частности, Крымская декларация, которую обнародовали США в 2018 г., должна стать примером такой фиксации. Украине следует добиваться от всех наших партнеров, в том числе и от Китая, принятия подобных документов. Это поможет Украине восстановить территориальную целостность в будущем и избавит другие государства от соблазна осуществлять любые контакты с незаконными властями, действующими на оккупированных Россией территориях Украины.

1. Crimea Declaration. Press Statement. Michael R. Pompeo, Secretary of State. Washington, DC. July 25, 2018. <https://www.state.gov/crimea-declaration/>
2. Договір між Україною та Російською Федерацією про співробітництво у використанні Азовського моря і Керченської протоки. (Договір ратифіковано Законом № 1682-IV (1682-15) від 20.04.2004). https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/643_205#Text

Гаевский Денис Антонович

Международное право — основа для разрешения территориальных конфликтов

В условиях, когда Запад теряет свою функцию модератора многих международных процессов, развязываются руки для элитариев тех стран, которые находятся на периферии либо на полупериферии мирового капитализма, но при этом стремятся с помощью силового ресурса решить

свои внутривполитические задачи. Один из наглядных примеров – политика Турции, не только поддерживающей руководство Азербайджана в военной кампании в Нагорном Карабахе, но и усиливающей рост напряженности в Восточном Средиземноморье. Данная история станет долгоиграющей, она уже создает новые конфликтные линии внутри НАТО и грозит локальными столкновениями в регионе Восточного Средиземноморья.

В дальнейшем конфликтных точек на политической карте мира будет становиться всё больше. Украина исключением не станет. В частности, политическая неопределённость в США и усиление влияния Лондона на официальный Киев повышает риски реализации «концепции Климкина», датированной 2018-2019 гг., когда выдвигалась инициатива в одностороннем порядке денонсировать межгосударственное соглашение Украины с РФ от 2003 г., определяющее Азовское море в качестве внутренних вод обеих стран. В таком случае на этой территории будет действовать Конвенция по морскому праву ООН, следовательно, заход военных кораблей третьих государств (в частности, блока НАТО) в Азовское море и Керченский пролив юридически упростится. Это, разумеется, не приблизит нас к установлению мира в Донбассе, усложнив и без того сложный переговорный процесс.

«Крымская платформа», «прожектируемая» Офисом президента, является симулякром, в рамках которого результат будет подменяться процессом. Данную инициативу поддержат разве что страны Балтии и Польша. В любом случае переговоры по Крыму и Донбассу должны соответствовать нормам международного права, пускай оно в последние 20 лет и подвергается серьёзнейшей эрозии.

Спиридонов Николай Юрьевич

Необходимо чётко на основе международного права определить юрисдикции в Азовском море и Керченском проливе

Регион Чёрного моря – очень важный регион, на который влияют сразу несколько государств. Контроль над проливами Чёрного моря был одной из основных причин многочисленных войн между Российской и Османской империями.

Один из важных вопросов – свобода мореплавания судов. К сожалению, в Новейшей истории было несколько громких скандалов по этому поводу между Украиной и РФ.

Регламентация режима морских пространств Чёрного и Азовского морей на сегодня недостаточная, что может приводить (и иногда приводит) к межгосударственным конфликтам. Нужно точно определить юрисдикции в Азовском море и Керченском проливе.

Необходимо чётко прописать «правила игры» и право разных стран на использование ресурсов Чёрного моря и сохранение его экологии. Все эти вопросы должны решаться в мирном ключе, с соблюдением норм международного права, в частности Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.).

Бизяев Руслан Валентинович

Морская доктрина Украины должна базироваться на комплексном подходе

Проблематику акваторий Чёрного моря, Азовского моря, Керченского залива и Южно-Китайского моря сегодня прежде всего объединяет

начавшаяся гонка военно-морских вооружений, которая идет уже приблизительно с 2010 г.

Что касается проблематики Чёрного моря, Азовского моря и Керченского залива, то эту картину стоит рассмотреть сквозь призму Средиземного моря и конвенции Монтрё. Сохранение конвенции Монтрё в её действующем виде становится одной из ключевых задач украинской дипломатии на ближайшее время. В противном случае мы получим объединение двух потенциальных театров военных действий – это Средиземное море вместе с Черным и Азовским морями. Уже чисто оборонительная тактика, заложенная в морской доктрине Украины, которая базируется на возможности защитить свои акватории с помощью современных противокорабельных комплексов, может не сработать. Тут нужен комплексный подход и возможно заключение временных ситуативных союзов, которые помогут Украине пережить это сложное время.

Семений Алексей Владимирович

Нынешние и возможные вызовы для внешней политики Украины в связи с проблемами делимитации морских пространств

Хотелось бы сделать акцент на трёх важных моментах.

1. Первый касается возможности сравнения ситуации в бассейнах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей. Теоретически их можно сравнивать, но черноморско-азовский и южно-китайский кейсы имеют ряд существенных различий и это надо обязательно учитывать. Поэтому дискуссия на основе такого сравнения будет носить скорее экспертно-академический, а не прикладной характер. Что касается проблематики урегулирования споров в регионе Чёрного моря, то Украина имела до 2014 г.

два спорных эпизода, которые по состоянию на тот момент удалось довольно успешно урегулировать. Первый касался урегулирования давнего (начавшегося ещё во времена СССР) спора между Румынией и Украиной о принадлежности шельфа в северо-западной части Чёрного моря, при этом на самом деле (несмотря на часто высказываемое в СМИ мнение) Украина осталась при своих интересах, успешно решив этот спорный вопрос в отношениях с Румынией и открыв возможности для активного использования этой части моря двумя государствами. Второй вопрос касался Азовского моря (включая Керченский пролив) и был решен в 2003 г. посредством предоставления ему статус внутреннего моря между двумя государствами (чего долго добивалась делегация РФ). По состоянию на сегодня это решение уже не кажется таким успешным, не давая возможности применять к этому бассейну положения международной Конвенции по морскому праву 1982 г., но вряд ли кто-то мог предположить тогда возможность российской агрессии и временной оккупации Крыма.

2. Что касается Южно-Китайского моря, то там идёт игра более крупного масштаба, с оглядкой на фактор США. Главный вопрос – вопрос доступа военно-морского флота США к определённым зонам, где Китай формально и неформально объявляет недопустимым такое присутствие. И соответственно, использование всего комплекса споров о разграничении экономических зон многих прибрежных государств там, где все начинают создавать те или иные коалиции для решения споров в свою пользу. В итоге фактически коалиция, которую США начинают активно создавать против Китая в этом регионе, используя также и все остальные разногласия, выходит на первый план в контексте региональной безопасности и стабильности. Исключительной важности этим разногласиям придаёт тот факт, что как раз через Южно-Китайское море проходит значительная часть мировой торговли и любой конфликт там автоматически будет влиять на мировую экономику и стабильность.

Международно-правовые механизмы, к сожалению, сейчас иногда выступают в качестве инструмента, который то или иное государство использует в своих интересах, часто не признавая приоритет международных решений или договоренностей. При этом в зависимости от того ресурса, с помощью которого то или иное государство может принудить других признавать его правоту, предлагая те или иные инструменты, и определяется фактическое решение тех или иных противоречий.

Хотелось бы отметить одну важную линию напряжения в этом регионе, а именно между Вьетнамом и Китаем. Уровень напряжения и сопротивления со стороны Вьетнама относительно Китая последние годы нарастает, при этом Вьетнам активно развивает партнерство с США, но не прерывает активных торговых связей с Китаем. Для Украины это может быть очень интересным и поучительным примером прагматического поведения среднего государства с крупным соседом, особенно принимая во внимания неплохой задел исторических контактов Украины с Вьетнамом.

3. И третий момент касается влияния вопроса спорных юрисдикций в Южно-Китайском море на Украину. Не исключено, что через какое-то время перед нами поставят вопрос, на чьей стороне выступает Украина в конфликтах в Южно-Китайском море, а именно за или против Китая. И это может оказаться очень важным вопросом, поскольку он напрямую связан с нашим черноморско-азовским кейсом по Крыму. И напрямую связан с вопросом позиции Китая относительно агрессии России против нас, а именно что Китай до сих пор не признаёт аннексии Крыма и не поддерживает агрессию на Донбассе. И эти вопросы при определенных условиях могут быть как возможностью для украинской дипломатии, так и вызовом для неё, так как потребуют как исключительного мастерства при проведении определённой линии, так и правильного и выверенного анализа реальной ситуации и своих национальных интересов, а не мантр о прекрасном будущем и борьбе за всё хорошее. Поэтому с общеполитической и международной точки зрения Украине необходимо уже сегодня внимательно

следить за тем, что именно и как происходит сейчас в данном регионе, и начинать предпринимать конкретные действия на некоторых двусторонних и многосторонних треках, например, начинать процесс присоединения в качестве наблюдателя к определенным важным форумам в этом регионе.

Вигиринский Андрей Валерьевич

Как решать противоречие между стратегией национальной безопасности и нормами международного права?

Ситуация в Южно-Китайском море возникла в силу стратегии национальной безопасности, которая действует в Китае. И защита этой национальной безопасности связана, в первую очередь, не столько с полезными ископаемыми, рыболовным промыслом, которые бесспорно важны, сколько с тем, что около 60% экспорта производимой Китаем продукции поставляется странам-импортерам именно морем. Как следствие, если на протяжении длительного периода этот путь является основным для вашей экономики, для попадания товаров на международные рынки, нельзя допустить чтобы его контролировал кто-то другой, тем более страна, которая свою внешнюю политику строит на сдерживание вашей экономической экспансии, склоняет других с подозрением относится к вашим инвестициям, ограничивает свободу торговли путем введения дополнительных пошлин, блокируя работу ваших предприятий на своих рынках технологий и т.д. К сожалению, в этой ситуации нормы Международного права никаким образом не повлияли на фактическое обустройство Китаем своего присутствия в Южно-Китайском море, ведь, как не определяй статус насыпных искусственно созданных островов, как объекты они созданы и выполняют, в первую очередь, функцию именно физического, а не юридического инструмента защиты.

На примере строительства Керченского моста и по аналогии со спорными островами в Южно-Китайском море, это способ, позволяющий контролировать прилегающее пространство, на котором концентрирует свои интересы то государство, которое, создавая такие объекты, сознательно нарушает нормы международного права, но взвешивая «цену» такого нарушения и интерес государства, считает это приемлемым и допустимым. От факта не убежишь, а другие вынуждены будут это принять.

Хотелось бы, чтобы руководство Украины подумало над тем, что при отсутствии потенциала собственного стремительного экономического роста, а с ним и возможности в краткосрочной перспективе усилить своё позиционирование как субъекта в акватории Азовского и Чёрного морей, для защиты своих экономических интересов стоит привлекать в Украину, мотивировать находить интерес в нашей стране тех субъектов международных отношений, которые делят с нами акваторию моря и в силу своей роли в случае необходимости смогут не только призывать соблюдать нормы международного права, но и готовы будут физически и фактически принять с нами общую сторону, в условиях мира, в котором глобализм заменяют двусторонние соглашения. Это более действенный механизм в случае необходимости оперативных решений.

Шабовта Сергей Борисович

Демонстрация силы, попрание принципов международного морского права как стойкая негативная тенденция современных межгосударственных отношений

Динамичное развитие военно-морских сил ведущих государств, в первую очередь кораблей и подводных лодок с ядерными энергетическими установками, привело к снятию каких-либо ограничений **по автономности**

выполнения боевых задач. А в сочетании с совершенными по мощности и дальности поражения целей системами вооружений – предопределило **доминирующую роль флотов** во всех мировых конфликтах.

К сожалению, демонстрация силы и абсолютное попираание принципов международного морского права прочно вошло в арсенал «закулисной» дипломатии практически всех стран, имеющих сильные ВМС. Планирование и реализация конфликтов носят **намеренный и продуманный характер**.

Ярким подтверждением подобной тенденции может стать сравнительный анализ событий в Чёрном и Азовском морях и Южно-Китайском море. Имея немало общих черт, эти устойчивые конфликты **значительно отличаются** друг от друга по масштабам, военному потенциалу конфликтующих сторон и экономическим перспективам регионов.

Ожидания от конфликта между Вьетнамом и Китаем в Южно-Китайском море **определяются** колоссальными экономическими ресурсами всей Юго-Восточной Азии, нарастающим объёмом морских грузоперевозок и, безусловно, лидирующим положением в этих процессах Китайской Народной Республики. Программа развития Военно-морского флота Китая в сочетании с Долгосрочной Программой военного сотрудничества с Россией, взявшей старт в 2017 г., позволяют китайским военным морякам чувствовать себя полновластными хозяевами в Южно-Китайском море, превратившими его акваторию в свой полигон для отработки военно-учебных задач. Следовательно, конфликт может носить со стороны Вьетнама долгоиграющий, но лишенный победных результатов процесс.

Черноморский бассейн, чей судоходный режим жёстко определен Конвенцией **Монтрё** 1936 г., а проливная зона из Средиземного моря, в первую очередь пролив Босфор, находятся под неусыпным контролем ВМС Турции, **утратил** всякую привлекательность для глобального развития в нём военно-морских сил как надводных, так и подводных.

Крайне **сложная гидрография** Азовского моря в виде малых глубин, устойчивых ветров, динамичного заиливания фарватеров сделали практически невозможными бесперебойные проходы крупнотоннажных судов в немногочисленные порты в его бассейне. Дегенеративные экономические процессы в регионе привели к существенному ослаблению грузопотоков с украинской стороны.

Потенциалы военно-морских сил России и Украины в Черноморском бассейне практически **несопоставимы**. Крайне слабые разносторонние силы ВМС Украины лишены инфраструктуры добротного базирования, отрасль отечественного военного судостроения почти полностью уничтожена, отсутствуют условия для собственного судоремонта.

Критический анализ подобного положения дел заставляет с достаточной уверенностью предполагать затяжной характер **военно-политического** конфликта в области международного морского права, выход из которого Украине предстоит искать в совершенствовании внешнеполитической деятельности, в развитии сотрудничества с международными арбитражными институтами.

Константинов Виктор Юрьевич

В чём суть конфликтов за акватории Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей?

Прежде всего, следует определиться, в какой степени возможно говорить о некоем феномене «спорных морских юрисдикций» в современной международной политике, тем более говорить о нём как о классе отдельных случаев, к которому принадлежат перечисленные выше случаи. Насколько видимое сходство ситуации в Чёрном и Азовском морях, а также в Южно-Китайском море можно считать основанием для продвижения тезиса о

сходстве существенном, глубинном, на уровне движущих сил и места перечисленных конфликтов в международных отношениях?

Чтобы ответ был обоснованным, необходимо разобраться с несколькими аспектами проблемы:

- **методологическим**, чтобы определиться, насколько вообще сравнимы перечисленные примеры и в плане допустимости их сравнения именно как специфических явлений международной жизни, касающихся проблемы суверенитета в морских акваториях, и в плане критериев, которые такое сравнение могут сделать результативным и познавательным;

- **понятийным**, чтобы понять, какова международно-правовая основа ситуации, в которой эти примеры выступают частными одного целого, частями единого класса международных явлений;

- **идеоматическим**, для того чтобы верно понять смысл категории «морские юрисдикции» и, тем самым, удостовериться в возможности раскрытие его сути на основе выбранной эмпирической основы;

- **когнитивным**, в том смысле, который позволит оценить степень когнитивного искажения в рассмотрении проблемы и взвесить, в какой мере предвзятость в оценке «фигурантов», вовлеченных в выбранные кейсы (и эти кейсы определяющих) заменяет научную аргументацию.

Если говорить о спорной принадлежности определенных акваторий, то, с точки зрения международного публичного права, вытекают они из различных источников:

- оспаривания основных принципов международного морского права (Южно-Китайское море);

- проблемы делимитации (Азовское море);

- аннексии (Чёрное море и, частично, Азовское).

Эти различия затрудняют правовой анализ общности (если она вообще есть в этой парадигме). Впрочем, острота перечисленных проблем, их пребывание на переднем плане внимания мирового сообщества, а также участие в этих конфликтах – с обеих сторон – великих держав говорят о том,

что международно-правовой взгляд отнюдь не играет первую скрипку в попытке оценить три кейса в одном контексте, да и контекст сам целиком политический, а никак не правовой. Само по себе для международного права это не уникальная ситуация, государства ведь нередко игнорируют нормы и вердикты международных судов. Но проблема усугубляется тем, что вовлечены в конфликты сильнейшие державы, чья способность активно игнорировать правовые решения и не менее активно разрушать международные нормы не вызывает сомнения и внушает опасения за возможный масштабный конфликт, в ходе которого имеющиеся правовые нормы вообще будут отодвинуты на задний план.

Политический анализ ситуации, который, на первый взгляд, отталкивается от правовой оценки конфликтных отношений, столкнётся с дополнительной проблемой – взгляд на правовую ситуацию у оппонентов не совпадает по сути, и стороны не принимают и не собираются принимать аргументы друг друга даже частично. И, как показывает ситуация с процессом в международном суде, выигранном у КНР в 2016 г. Филиппинами, даже наличие вердикта международной инстанции не меняет ситуация и не влияет на позицию сторон.

Следовательно, стоит пересмотреть изначальный подход к поиску ответа на вопрос «где же тот угол зрения, который позволит оправданно увидеть в этих примерах общность», заданный формальным принятием категории «морских юрисдикций». Более того, чтобы сделать обоснованные выводы о схожести природы и динамики упомянутых конфликтов, а, значит, и о возможности, разобравшись с одним конфликтом, на основании полученных представлений лучше понять другой, отход от международно-правового подхода необходим.

К этим конфликтам можно и должно подходить как к политическим явлениям, в этом искать сходство и – что важнее – общность. Ведь, прежде всего, эти конфликты не о спорных юрисдикциях, а о ревизии международного порядка (регионального, но с явным прицелом на

глобальный), о роли и интересах держав-ревизионистов и держав-статус-кво. Неслучайно, что не только в СМИ, но и среди экспертов обобщения такого рода практически всегда «теряют» Азовское море – этот водоём так же важен для правовой оценки, как и другие, а вот с точки зрения будущего международного порядка он не столь существенный, да и вовлечение третьих держав в этот преимущественно российско-украинский кондоминиум минимально (особенно в сравнении с Чёрным и Южно-Китайским морями).

Спорным в этих узловых точках является международный порядок: каков он, кто его установил, кто его поддерживает и кто имеет право (и силу) существующий порядок изменить. Не случайно, в указанных конфликтах главную роль играют Россия и КНР, которые выступают по отношению к порядку, сложившемуся после «холодной войны» в качестве ревизионистов, и США, которые тот порядок (пусть нынче и рассыпающийся) «охраняют». Кстати, в этом контексте можно, не нарушив логической связи, рассматривать вместе с перечисленными точками Арктику, конфликты в Эгейском море или вокруг Южных Курил, статус Каспия или Гибралтара.

Что раскрывает параллельный анализ двух регионов мира, какие аналогии раскрываются при этом?

Эти конфликты при всем своем региональном (или вовсе локальном, как в случае с Азовским морем) характере по сути своей выступают проявлениями **конфликтов глобальных**. По сути, они становятся новыми мировыми «горячими точками», как Персидский залив в 1980-1990-е годы, как Корейский полуостров и Ближний Восток на протяжении нескольких десятилетий.

Эти **конфликты происходят между глобальными державами**, даже повестка этих конфликтов определяется Россией и Китаем, с одной стороны, но с другой, – не Украиной и, скажем, Вьетнамом, а США.

Конфликты – за статус в международной системе. Они утверждают статус (начать такой конфликт, тем более «затянуть» его может только крупный игрок, скорее всего, великая держава, и статус такой признаётся

другой стороной, о чём говорит интенсивность и масштаб противостояния), закрепляют статус, превращая конфликт в структурированное долговременное противостояние с участием ведущих мировых акторов. Наконец, статусный характер конфликтов проявляется в том, что поражение в них угрожает завоёванный статус перечеркнуть, угрожает утратой статуса державам, в конфликты вовлеченным (в полной мере или частичной).

В конфликтах непременно присутствуют стратегические ресурсы – нефть, газ, транзитные маршруты, пищевые ресурсы. Место идеологического противостояния времен «холодной войны» занял прямой контроль над деньгами (во всех их проявлениях), и борьба за статус и ключевую роль в мировом порядке предполагает установление контроля над стратегическими ресурсами (это если опустить стратегическую важность для заинтересованных держав таких ресурсов с точки зрения внутреннего потребления).

Конфликты также – про защищенность и про уязвимость (и стремление получить неуязвимость) держав-ревизионистов, России и КНР. Море – основной плацдарм, с которого нанесут удар США, и контроль над прибрежными водами становится неременным предварительным условием конфронтации с США (неслучайно и доктрина Сергея Георгиевича Горшкова, и доктрина Лю Хуацина – именно про дальний морской рубеж обороны).

Наконец, **конфликты эти про доказательство силы**, настоящей структурной силы ревизионистов. И речь не идёт о силе военной (забрать чужое) или экономической (насыпать далеко в море остров, и не один). Речь идёт о доказательстве силы, достаточной чтобы изменить международный порядок. И в этих конфликтах таким доказательством станет ситуация, когда соседи станут по крайней мере нейтральными в конфликте – несмотря на то, что забирают у них; несмотря на то, что сильнейшая держава мира предлагает подставить плечо (ну и подтолкнуть в спину); несмотря на то, что

«мировая общественность» против ревизиониста и уже назначила его неправым.

Именно в этом, последнем, плане конфликта и идет спор – не о юрисдикции (это станет последним актом конфликта, который закрепит победу или поражение), а о готовности и способности изменить порядок (включая юрисдикцию) согласно собственным целям и интересам.

Да, если такое произойдет – будет окончательно возвращён примат силы в международный порядок, без декораций и оговорок. Но ведь речь и идёт о сломе существующего и установлении нового порядка. Вряд ли такое возможно без смены парадигмы.

Во всех рассматриваемых конфликтных узлах мы видим именно эту общность. Не обязательно результаты не будут одинаковыми там и тут. Но вот вектор движения, структура отношений, приёмы – они все происходят из одной цели, оживают благодаря одним и тем же движущим силам. И, следовательно, задают одну тенденцию современного мира – борьбу за смену порядка.

Почему моря? Тут конфликт может быть помягче, чем в битвах за сушу. Тут можно заменить открытую войну войной, как нынче модно говорить, гибридной.

Но именно про смену международного порядка эти конфликты.

Потопахин Пётр Владимирович

Территориальные споры у берегов Вьетнама

Южно-Китайское море является очень важным регионом, от которого экономически сильно зависит население, проживающее в пределах его бассейна, а соответственно и от событий, которые там развиваются. Поэтому в последние годы актуализируется вопрос о разграничении юрисдикций в этом регионе.

Хронология конфликта. В 1975 г. Вьетнам заявил об исторических притязаниях на острова Спратли и Парасельские острова, на что не согласилась КНР. И в 1987 г. флот КНР начал военное патрулирование и демонстрацию военного присутствия. В 1988 г. произошла эскалация конфликта и в результате боестолкновений Вьетнама потерял несколько судов. В 1995 г. между сторонами были достигнуты договоренности о начале диалога, но стороны не сумели выработать общий план разграничения этого региона. И к 2005 г. Вьетнам снова заявил о своём праве на эти острова. Но КНР продолжила наращивать военное и экономическое присутствие. В 2018 г. мировые СМИ констатировали, что там были размещены противокорабельные комплексы и на островах расширяется военное присутствие КНР.

Существует пять сторон конфликта, которые заявили свои права на акватории Южно-Китайского моря. Помимо этого, важна и позиция США, которые также демонстрируют своё военное присутствие в регионе.

Существует геополитическое и экономическое противостояние в рамках этого конфликта, но также существует цивилизационное и геокультурное противостояние, которое выходит за рамки данного рассмотрения вопроса. За последнее десятилетие можно наблюдать как выросло значение этого региона в целом. Существует вопрос, на какой ценностной базе будет развиваться вся эта цивилизация.

Проявляется ценностное и даже религиозное описание конфликта. Социалистический Вьетнам рассматривает конфликт также и в своей буддистской составляющей, имеющей важное символическое значение. Все понимают цену конфликта, вышедшего за пределы управляемой стадии, и за всем этим стоят живые люди. Без учёта этой геокультурной составляющей конфликт можно решить на локальном уровне, но его продолжение неизбежно, если не будет консенсуса на уровне понятия справедливости. В настоящее время право силы набирает статус и вес. Но как оказывается, на

основе права силы невозможно окончательно решить ни один из существующих конфликтов.

Решать существующие территориальные конфликты в регионе Южно-Китайского моря желательно на основе общепринятых норм международного права, в ходе равноправных переговоров и с использованием надёжных инструментов, предоставляемых международно-правовыми институтами.

Данилов Александр Анатольевич

Вьетнам и территориальный конфликт в Южно-Китайском море

В 2014 г. после обострения обстановки в районе спорных островов в Дананге (Вьетнам) состоялась международная конференция с участием экспертов из различных стран мира, включая США, Францию, Австралию, Индию и др. Я также был приглашен на это мероприятие. В тот момент заявления о том, что Южно-Китайское море может стать очагом полномасштабного военного конфликта, выглядели крайней степенью паникерства. Спустя шесть с лишним лет обстановка в регионе значительно ухудшилась.

Весьма показательной стала вторая половина нынешнего года. Несмотря на проблемы с эпидемией коронавируса, США и Китай провели ряд крупных военных учений. Так, в июле у берегов Калифорнии 3-й флот США отрабатывал «переброску сил в западную часть Тихого океана». Данные маневры Пекин назвал провокацией, поскольку основным пунктом учений был захват небольшого острова в некоем абстрактном регионе. В операции использовались спецподразделения ВМС, морская пехота и ударные беспилотники. Параллельно КНР проводила свои маневры, в том

числе с боевой стрельбой в районе Парасельских островов. В связи с этим США перебросили на остров Гуам бомбардировщики В-52Н и В-1В.

В конце августа Министерство торговли США ввело санкции против компаний КНР, занимающихся созданием инфраструктуры на спорных островах. А Госдепартамент ввёл визовые ограничения в отношении китайских граждан, работающих в этих компаниях.

В октябре у Парасельских островов появился американский эсминец «Джон Маккейн», что вызвало острую реакцию Пекина. В конце октября вновь поступило сообщение о прибытии на Гуам четырёх бомбардировщиков В-1В. Практически синхронно Китай заявил о том, что планирует отправить в регион только что вступивший в строй авианосец «Шаньдун». Первый авианосец КНР – «Ляонин» – уже участвовал в маневрах в Южно-Китайском море.

В целом, как отмечает автор американского издания “International Affairs” Стэн Грант, война между США и Китаем перестала быть немыслимой.

Политика Пекина остается жёсткой. В 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге рассмотрела иск, поданный Филиппинами, и постановила, что КНР не имеет приоритетных прав на Южно-Китайское море. Пекин не признал это решение и объявил его не имеющим юридической силы. Такую позицию Китай занимает и сегодня.

На этом фоне привлекают внимание действия Вьетнама в условиях растущей напряженности в конфликтном регионе. У СРВ и КНР длинная история весьма непростых отношений, уходящая корнями вглубь веков. Сегодня Ханой делает ставку на использование различных методов дипломатии. Для привлечения внимания международной общественности организовываются «круглые столы» и конференции. Об одной из них было сказано выше, но подобные мероприятия проводились и впоследствии.

МИД Вьетнама не оставляет без внимания ни одно из действий Китая в спорных водах. Будь то прибытие буровой платформы 981 или крупные маневры флота КНР – по каждому случаю заявляется решительный протест.

Также ведутся переговоры о сотрудничестве с другими странами региона. 20 октября 2020 г. в Ханое побывал с визитом премьер-министр Японии Ёсихидэ Суга и одной из тем его встречи с вьетнамским коллегой Нгуен Суан Фуком была проблема Южно-Китайского моря. Стороны договорились координировать усилия.

Вместе с тем, когда Пекин демонстрирует готовность к диалогу, Ханой идёт ему навстречу. В 2015 г. в СРВ с визитом побывал председатель Си Цзинь Пин, спустя два года КНР посетил генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг, ныне занимающий пост президента страны. В 2020 г. две страны отметили 70-летие установления дипломатических отношений. Кроме того, в конце лета отмечался еще один юбилей – 20-летие подписания соглашения о сухопутной границе. Дату отметили в городе Монгкай в провинции Куангнинь. На праздник приехал глава МИД КНР Ван И, а принимал его министр иностранных дел СРВ Фам Бинь Минь.

Также надо отметить, что Вьетнам не бросается безоглядно в объятия США, хотя логика ситуации вроде бы подталкивает Ханой к этому. Однако СРВ последовательно отстаивает свой суверенитет и независимость в международных делах.

Воля Владимир Анатольевич

Территориальные споры в Южно-Китайском море: между политикой и экономическим прагматизмом

Относительно территориальных споров в регионе Южно-Китайского моря (ЮКМ) и Юго-Восточной Азии (ЮВА) следует обратить внимание на

несколько важных особенностей, характеризующих природу данной проблемы, её эволюцию, её уникальное дипломатическое оформление в настоящее время.

1. Проблема Парасельских островов (архипелаг Сиша) и островов Спратли (архипелаг Наньша) – это проблема спорных территорий.

Проблема имеет следующие составляющие:

- экономический фактор (борьба за контроль за природными ресурсами),
- геостратегический (борьба за контроль за торговыми и военными коммуникациями в регионе, выгодное размещение военной инфраструктуры).

В основе проблемы и имевшихся в её рамках военных инцидентов, столкновений отсутствуют такие факторы как особенности национального, религиозного состава населения, конфликты на этнической, расовой, религиозной либо идеологической основе. То есть всех тех факторов, которые лежат в основе многих «замороженных конфликтов», как тех, что имели место на Балканах, так и конфликтов вокруг Кашмира, Нагорного Карабаха, на востоке Украине и т. п. Все эти и подобные им конфликты – это, в первую очередь, война за людей с их ценностями, традициями и историей. Конфликты в ЮКМ – это борьба за природные ресурсы и стратегически важные участки суши. То есть, речь идёт о конфликте именно из-за спорных территорий, а не из-за людей.

2. Общий баланс активности к началу 2020 г.

После военных столкновений из-за Парасельских островов (1974 г.) и островов Спратли (1988 г.) активность заинтересованных государств продолжала развиваться в «фоновом режиме»:

- фиксация принадлежности участков суши с помощью создания построек и искусственного увеличения площади суши;

- размещение военных и иных объектов;
- патрулирование и военные учения;
- заявления официальных лиц и ноты по линии МИД.

Парасельские острова (Сиша) после военного столкновения 1974 г. находятся под полным контролем Китая. Не смотря на поражение в том столкновении, Вьетнам не отказывается от претензий на эти острова.

Острова Спратли (Ниша) по-прежнему находятся под контролем нескольких государств, которые тоже не отказываются от своих претензий. На части островов размещены военные контингенты из Вьетнама, КНР, Тайваня, Малайзии, Филиппин.

По инициативе Филиппин Международный арбитражный суд в Гааге в 2016 г. начал рассмотрение вопроса о притязаниях Китая на ряд участков в акватории ЮКМ. В 2016 г. суд постановил, что КНР не имеет исторического права на рассмотренные участки [1]. После этого ситуация развивалась в формате формальных процедур: выражение обеспокоенности либо дипломатического протеста без эскалации напряжённости, просто фиксация позиций государств по тем или иным поводам. Так, в январе 2017 г. Филиппины выразили дипломатический протест в связи с размещением КНР противоракетных систем на искусственных островах в ЮКМ [2]. Но это не привело к ухудшению отношений между двумя государствами, к сворачиванию сотрудничества.

3. Вьетнамо-китайские отношения как яркий пример новой международно-политической реальности в Юго-Восточной Азии.

Уникальной особенностью отношений между этими двумя государствами является наличие спора сразу по двум архипелагам – Парасельским островам и островам Спратли. У других государств региона с Китаем существует спор лишь относительно архипелага Спратли.

Вторая уникальная особенность: Вьетнам и КНР имели военные столкновения из-за обоих архипелагов и войну в 1979 г. и ограниченные военные столкновения после неё (1979-1990 гг.).

В 2016 г. Вьетнам направил КНР ноту относительно размещения ракет на спорных островах. При этом Пекин отрицал такое размещение. Последние дипломатические ноты Вьетнама в адрес Китая имели место в 2020 г. – 3 апреля МИД Вьетнама вручил китайскому представителю ноту в связи с потоплением полицейским катером КНР вьетнамского рыболовного судна (и гибелью 8 рыбаков) в той части Парасельских островов, которую Ханой считает своей [3].

19 апреля 2020 г. Вьетнам направил ноту протеста Китаю в связи с образованием на Парасельских островах и островах Спратли китайских административно-территориальных единиц [4]. В августе МИД Вьетнама обнародовал заявление о недопустимости проведения Китаем военных маневров в районе островов Спратли, которые имели место 2 и 4 августа и в которых были использованы ВМС и авиация [5].

А уже 23 августа 2020 г. член Госсовета КНР, министр иностранных дел Ван И и вице-премьер, министр иностранных дел Вьетнама Фам Бинь Минь приняли участие в памятных мероприятиях по случаю 20-летия делимитации и 10-летия демаркации сухопутной границы между Китаем и Вьетнамом и, проведя переговоры, выразили готовность углублять «отношения всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства между Вьетнамом и Китаем» и выразили «готовность к дальнейшему развитию двусторонних отношений» [6].

31 августа 2020 г. министр обороны КНР Вэй Фэнхэ провел встречу с послом Вьетнама в Китае Фам Сао Маем, во время которой заверил, что «Китай готов укреплять солидарность и углублять сотрудничество с Вьетнамом для надлежащего урегулирования разногласий и совместного противостояния гегемонизму, интервенционизму и унилатерализму с тем, чтобы внести вклад в обеспечение регионального и глобального мира и

стабильности». Как сообщили центральные китайские СМИ, «Фам Сао Май, в свою очередь, отметил, что Вьетнам готов совместными с Китаем усилиями продвигать традиционную дружбу и углублять стратегическое сотрудничество между двумя государствами в условиях сложной международной и региональной обстановки» [7].

Вероятно, данная встреча стала следствием очередной эскалации между Вашингтоном и Пекином, возникшей из-за пусков китайских баллистических ракет 26 августа. И поэтому КНР необходимо было предоставить разъяснения Вьетнаму с целью нейтрализации информационной антикитайской кампании, осуществлённой США в третьей декаде августа.

Таким образом, можно констатировать, что даже с учётом имевших место в прошлом военных столкновений с Китаем позиция Вьетнама в отношении проблемы спорных территорий в настоящее время является сдержанной. Вьетнамская политика основывается на следующих принципах:

- отсутствие намерения отказываться от своих претензий на острова и акватории;
- формальное реагирование по дипломатическим каналам и на политическом уровне на действия Китая, которые противоречат позиции Вьетнама;
- отказ от действий, которые могут обострить проблему спорных территорий до уровня межгосударственного политического противостояния, дипломатической войны или военных инцидентов в акватории ЮКМ;
- отказ от поддержки политики президента США Д. Трампа в отношении Китая не только по вопросам ЮКМ, но и по всему спектру проблем американо-китайских отношений.

Такой же политики в отношениях с Китаем и в целом по проблеме спорных территорий в ЮКМ придерживаются все государства региона. События 2020 г. однозначно продемонстрировали, что даже под давлением со стороны администрации Д. Трампа ни одно государство Юго-Восточной

Азии не пошло по пути усложнения отношений с КНР. Американский фактор оказался недостаточным для того, чтобы государства региона отказались от выгод, получаемых от экономического и иного сотрудничества с Китаем.

4. Американский фактор.

Как было отмечено, недавние официальные вьетнамско-китайские контакты были позитивными по содержанию, хоть и происходили на фоне очередного обострения политической дискуссии между КНР и США, военных манёвров вооруженных сил обоих государств в акватории ЮКМ.

Активность американских ВМС в регионе стала высокой в последние два года, и это часть стратегии президента США Д. Трампа в отношении Китая. Такая активность вызывает раздражение у Пекина, который называет её направленной на провоцирование напряжённости в ЮКМ и ЮВА в целом.

Последнее существенное «столкновение» Вашингтона и Пекина в регионе произошло 27 августа 2020 г., когда ракетный эсминец ВМС США «Мустин» (Mustin) вошёл в акваторию Парасельских стровов. Это было расценено как «вторжение», «морские и воздушные силы НОАК опознали американский корабль и сделали ему предупреждение о необходимости покинуть воды Китая» [8].

Похоже, что заход американского эсминца был связан с событиями, имевшими место днём ранее (26 августа): Китай осуществил в упомянутой акватории пробный запуск баллистической ракеты. США заявили, что этим пуском Пекин поставил под угрозу мир и стабильность в регионе. В МИД КНР обвинили США в подстрекательстве и заявили, что это было плановое мероприятие китайских военных, организуемое у побережья страны и что эти действия «не направлены против какого бы то ни было другого государства и не имеют никакого отношения к территориальным спорам, касающимся Южно-Китайского моря». По мнению МИД КНР, США «давно начали часто направлять к Южно-Китайскому морю многочисленные современные

военные корабли, боевые и разведывательные самолеты с тем, чтобы показать свою мощь и создать военные провокации, что нарушает суверенитет и интересы безопасности Китая, а также нормальное функционирование навигации в Южно-Китайском море» [9].

По информации китайской стороны, в этот же период, американский самолет-разведчик Lockheed U-2 вторгся в закрытую для полетов зону в районе боевых стрельб Северного командования НОАК. Также были названы провокационными действиями войск США вблизи китайских границ, прошедшие незадолго до этого в ЮКМ полеты американских военных самолетов и проведение военно-морских учений. Официальный Пекин заявляет, что первые шесть месяцев 2020 г. военные самолеты США появлялись над Южно-Китайским морем более 2000 раз [10].

Кроме того, 26 августа правительство США объявило о введении санкций в отношении 24 китайских компаний, которые принимают участие в строительстве островов в Южно-Китайском море. МИД КНР отверг обвинения, что с помощью такой деятельности осуществляет милитаризацию ЮКМ [11].

В свою очередь, 9 сентября 2020 г. на совещании руководителей внешнеполитических ведомств стран-участниц Восточноазиатского саммита глава МИД Китая Ван И заявил, что США становятся главной движущей силой милитаризации в ЮКМ и наиболее опасным фактором, подрывающим мир в данном районе. По словам Ван И, США напрямую вмешиваются в территориальные и морские споры в регионе в угоду своим собственным политическим потребностям, постоянно выставляя напоказ свою силу и наращивая своё военное присутствие. «США мешают усилиям Китая и стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) разрешать споры путем консультаций, а также провоцируют конфронтацию между странами региона» [12].

Как было отмечено ранее, ни одно государство Юго-Восточной Азии не присоединилось к антикитайской политике президента Д. Трампа в

регионе. Также оказалась не слишком успешной направленная на сдерживание Китая Индо-Тихоокеанская стратегия Вашингтона, опирающаяся на четырехсторонний механизм с участием США, Японии, Индии и Австралии. Официальные Дели и Токио не стремятся вмешиваться в споры в ЮКМ и ЮВА, не смотря на то, что они сами имеют территориальные споры с Пекином. Инцидент в Ладакхе в целом урегулирован в ходе консультаций между Индией и КНР. Между Японией и Китаем существует спор из-за островов Сенкаку (кит. Дяоюйдао), который подобен территориальным спорам в регионе ЮКМ. Но в течение нескольких лет он находится в «фоновом режиме», деэскалирован и не мешает усиливаться экономическому взаимодействию между двумя государствами.

13 октября 2020 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Индо-Тихоокеанская стратегия США направлена на создание так называемого Индо-Тихоокеанского «нового НАТО». Он отметил, что данная стратегия противоречит духу взаимной выгоды, которая является целью сотрудничества в Восточной Азии, влияет на архитектуру регионального сотрудничества с АСЕАН в центре, а в конечном итоге подрвет перспективы мира и развития в Восточной Азии. По словам Ван И, данная стратегия представляет собой большой скрытый риск для безопасности [13].

Учитывая такую резкую реакцию Китая на данную стратегию, Япония, Индия и Австралия не пойдут на усложнение отношений с ним, то есть не присоединятся к политике Д. Трампа по проблеме ЮКМ.

5. Коллективная дипломатия.

5 августа 2020 г. глава МИД КНР Ван И в эксклюзивном интервью агентству «Синьхуа» заявил, что США также стремятся вбить клин между Китаем и государствами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и сорвать процесс консультаций по Кодексу поведения в ЮКМ. По его словам, Вашингтон стремится «впрячь страны региона в свою боевую колесницу» в угоду своей внутренней политике и геополитической повестке дня. При этом

Ван И подчёркивал, что государства региона несут коллективную ответственность за поддержание мира и стабильности в ЮКМ. И предложил устранить все препятствия, чтобы в кратчайшие сроки возобновить консультации по Кодексу поведения в ЮКМ и как можно скорее согласовать набор правил для поддержания долгосрочного мира и стабильности в регионе [14].

Консультации по Кодексу поведения в ЮКМ – это формат коллективной дипломатии, направленный на создание такого механизма урегулирования взаимоотношений государств в регионе ЮКМ, который удовлетворил бы всех участников территориальных споров.

Попытки найти коллективное решение начались ещё в 1990-е годы. В 1992 г. появилась Декларация АСЕАН по Южно-Китайскому морю, и в ней впервые была зафиксирована идея выработать «Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море». В 2002 г. Китай и государства АСЕАН подписали Декларацию поведения сторон в Южно-Китайском море. Документ предусматривает выработку кодекса поведения сторон в ЮКМ, который определит окончательные параметры урегулирования конфликта и заменит данную декларацию. А в 2012 г. министры иностранных дел государств АСЕАН предварительно согласовали позиции по Кодексу. После этого были опубликованы «Шесть принципов АСЕАН по Южно-Китайскому морю». При составлении этого документа были учтены пожелания Камбоджи и Индонезии. Они выступили против формулировок, которые приводили бы к втягиванию этих государств в территориальные споры других государств АСЕАН с Китаем [15].

В 2016 г. Китай выступил против упоминания Парасельских островов в Кодексе, назвав их несомненно китайской территорией [16].

В 2018 г. на встрече в Сингапуре государства АСЕАН и КНР согласовали единый текст Кодекса поведения в Южно-Китайском море [17]. В 2019 г. на встрече глав МИД досрочно было завершено первое чтение единого проекта текста Кодекса поведения в ЮКМ. Ван И сообщил, что

текст был упрощён для того, чтобы его рамки и основные элементы стали более чёткими, а структура более разумной [18].

Не известно, стала ли стимулом для прогресса антикитайская политики президента США Д. Трампа. Но, вероятно, что прогресс в работе над текстом Кодекса стал одним из факторов, который обеспечил неучастие государств ЮВА в американской стратегии.

Процесс выработки коллективного решения проблемы ЮКМ продолжается уже почти 30 лет, и ни одно государство ЮВА не готово усложнить процесс своими действиями.

Например, в начале августа 2020 г. министр обороны Филиппин Д. Лорензано сделала заявление по поводу ситуации в ЮКМ и двусторонних отношений с Китаем. Она отметила, что её страна не будет присоединяться к военно-морским силам других стран во время морских учений в ЮКМ, так как опасается обострения напряженности в этом районе [19].

Кроме того, следует отметить высокую дипломатическую активность КНР по нейтрализации в регионе ЮВА нежелательных для себя эффектов от политики США. Так, 7 сентября 2020 г. (вскоре после августовского обострения между США и КНР по поводу ЮКМ) китайский министр обороны Вэй Фэнхэ посетил Малайзию, где с премьер-министром М. Ясином обсудил вопросы ЮКМ и двустороннего сотрудничества [20]. 8 сентября Вэй Фэнхэ уже в Джакарте обсудил эти же вопросы с министром обороны Индонезии Прабово Субианто [21].

С 11 по 15 октября 2020 г. вопросы ЮКМ, двустороннего сотрудничества в экономической сфере, в борьбе с пандемией COVID-19 глава МИД Китая Ван И обсуждал во время официальных визитов в Камбоджу, Малайзию, Сингапур, Лаос и Таиланд. В начале октября вице-премьер Камбоджи Хор Намхонг заявил, что внешние силы не должны вмешиваться в ситуацию в Южно-Китайском море, а соответствующие споры должны решаться мирным путём при непосредственном участии заинтересованных сторон [22].

6. Экономический и гуманитарный контексты дипломатии по поводу споров в ЮКМ.

В 2020 г. исполнилось 10 лет с момента создания зоны свободной торговли Китай – АСЕАН, в течение которых производились либерализация и упрощение процедур торговли и инвестиций. По мнению китайского министерства коммерции, в торгово-экономическом сотрудничестве Китая и АСЕАН наступила «золотая пора», они стали главными торговыми партнёрами друг для друга [23]. При этом процесс углубления экономической, производственной интеграции продолжается и будет усиливаться.

На завершающий этап в 2019 г. вышел процесс утверждения «Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства» (ВРЭП). Но независимо от данного соглашения интеграция усиливается посредством включения государств ЮВА в проект контейнерных перевозок в рамках концепции «Один Пояс Один Путь». Китай стал транзитной страной и организатором перевозок между Европой и Центральной Азией, с одной стороны, и государствами ЮВА, с другой стороны. Причём, в этом международном логистическом проекте участвуют Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Индонезия. А Вьетнам сам в 2017 г. стал в этом проекте важным транзитным звеном, связующим Китай с другими государствами ЮВА [24].

Ещё один важный партнёр Китая – Таиланд. Во время октябрьского визита главы МИД КНР Ван И стороны обсуждали углубленное сопряжение строительства «Восточного экономического коридора» и региона «Большого залива» Гуандун – Сянган (Гонконг) – Аомэнь (Макао). При этом китайская сторона продолжит поощрять китайские предприятия инвестировать в Таиланд и расширять сотрудничество в новых сферах, таких как цифровая экономика. А тайландская сторона надеется на дальнейшее укрепление сотрудничества с Китаем в сферах торговли и научных инноваций, ожидая, что всё большее число китайских предприятий будут инвестировать в страну.

Бангкок намерен создать открытую, справедливую и прозрачную деловую среду для китайских компаний [25].

Также необходимо отметить вклад в интеграцию ЮВА проектов, реализуемых при активном участии КНР в государствах долины реки Меконг. Экономические, производственные и гуманитарные связи между государства ЮВА усиливаются и переходят в новое качество регионального сотрудничества.

7. Обобщения и прогнозы.

Государства ЮВА дипломатично отложили территориальные споры в «долгий ящик» выработки Кодекса поведения в Южно-Китайском море.

Во-первых, никто не готов отказаться от своих территориальных притязаний, но и никто не готов к военно-политическому столкновению с Китаем, экономическая, технологическая и военная мощь которого возросла до статуса главного конкурента США.

Во-вторых, возрастающая экономическая и технологическая мощь КНР приносит возрастающие экономические и производственные выгоды государствам ЮВА. Также Китай является наиболее значимым организатором интеграционных процессов в Восточной и Юго-Восточной Азии, в Евразии в целом. И это тоже приносит новые экономические и производственные выгоды государствам АСЕАН.

Ценность возрастающего экономического сотрудничества для всех участников территориальных споров в ЮКМ является намного более важной, чем столкновение с Китаем за острова и акватории.

Стало очевидным и показательным, что американский фактор уже бессилён в вопросах возможного изменения политической ситуации в ЮВА.

В совокупности всё это указывает на невозможность столкновения из-за спорных территорий в ЮКМ как минимум до 2030 г. Если до 2025 г. Кодекс будет окончательно согласован и ратифицирован всеми заинтересованными государствами, то проблема спорных территорий будет

закрита как таковая. Это будет победой логики экономического прагматизма над логикой борьбы за территории и ресурсы.

1. Гаагский суд отверг притязания Китая на спорную акваторию. Голос Америки. 12.07.2016. <https://www.golosameriki.com/a/arbitration-court-rules-against-china/3414689.html>
2. Размещение оружия на островах КНР вызвало протест со стороны Филиппин. Regnum.ru. 16.07.2017. <https://regnum.ru/news/polit/2227351.html>
3. Вьетнам вручил китайской стороне ноту в связи с потоплением Китаем вьетнамского судна // Нянзан. 4.04.2020. <https://ru.nhandan.com.vn/chinhtri/chinhtri-chuquyen/item/2231150-вьетнам-вручил-китайской-стороне-ноту-в-связи-с-потоплением-китаем-вьетнамского-судна.html>
4. Вьетнам направил ноту протеста Китаю из-за спорных островов. News.ru. 19.04.2020. <https://news.ru/asia/vietnam-vyrazil-notu-protesta-kitayu-iz-za-spornyh-ostrovov/>
5. Вьетнам назвал действия Китая в Южно-Китайском море «недопустимыми». Regnum.ru. 7.07.2020, <https://regnum.ru/news/polit/3030777.html>
6. Китай и Вьетнам договорились о поддержании мирной и дружественной сухопутной границы во имя общего развития // Жэньминь жибао. 23.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0824/c31521-9737505.html>
7. Министр обороны Китая встретился с послом Вьетнама // Жэньминь жибао. 31.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0901/c31521-9740368.html>
8. Китайские военные выдворили эсминец США из своих территориальных вод // Жэньминь жибао. 28.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0828/c31521-9739540.html>
9. Китай призвал США прекратить заниматься подстрекательством в Южно-Китайском море // Жэньминь жибао. 28.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0829/c31521-9739793.html>
10. США одиноки в своих провокационных действиях в Южно-Китайском море // Жэньминь жибао. 28.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0828/c95181-9739566.html>
11. Китай осудил санкции США в связи со строительной деятельностью в Южно-Китайском море // Жэньминь жибао. 27.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0828/c31521-9739239.html>

12. США становятся главной движущей силой милитаризации в Южно-Китайском море – Ван И. // Жэньминь жибао. 10.09.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0910/c31521-9758713.html>
13. Индо-Тихоокеанская стратегия США подорвет перспективы мира и развития в Восточной Азии – Ван И. // Жэньминь жибао. 14.10.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1014/c31520-9768916.html>
14. Южно-Китайское море не должно быть ареной для международной политической борьбы – Ван И. // Жэньминь жибао. 6.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0806/c31521-9718695.html>
15. АСЕАН и кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море. РСМД. 10.01.2013. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asean-i-kodeks-povedeniya-storon-v-yuzhno-kitayskom-more/>
16. МИД КНР исключил Параселы из-под действия Декларации о поведении сторон в ЮКМ. Ведомости. 25.02.2016. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/02/25/631374-mid-kr>
17. Единый текст Кодекса поведения в ЮКМ стал достижением АСЕАН и КНР – МИД Сингапура. Biang. 5.08.2018. <http://biang.ru/ru/news/edinyij-tekst-kodeksa-povedeniya-v-yukm-stal-dostizheniem-asean-i-kr-%E2%80%93-mid-singapura.html>
18. Первое чтение единого проекта обсуждения текста Кодекса поведения в ЮКМ завершилось досрочно. Russian.china.org.cn. 31.07.2019. http://russian.china.org.cn/international/txt/2019-07/31/content_75052922.htm
19. Попытки обострить напряженность в Южно-Китайском море не находят одобрения – МИД // Жэньминь жибао. 5.08.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0806/c31521-9718692.html>
20. Премьер-министр Малайзии и министр обороны Китая обсудили двустороннее сотрудничество // Жэньминь жибао. 07.09.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0908/c31520-9757720.html>
21. Вэй Фэнхэ провел переговоры с министром обороны Индонезии // Жэньминь жибао. 8.09.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0909/c31520-9758231.html>
22. Внешние силы не должны вмешиваться в ситуацию в Южно-Китайском море – вице-премьер Камбоджи // Жэньминь жибао. 5.10.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1005/c31520-9766919.html>
23. АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая – Министерство коммерции КНР // Жэньминь жибао. 27.09.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0928/c31521-9764963.html>

24. Существенно выросло число грузовых поездов по маршруту Китай – Вьетнам // Жэньминь жибао. 19.10.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1019/c31520-9770266.html>

25. Премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча встретился с Ван И. // Жэньминь жибао. 15.10.2020. <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1016/c31520-9769635.html>

Якушик Валентин Михайлович

***Территориальный конфликт в регионе Южно-Китайского моря
может быть успешно разрешён на основе разумного
взаимовыгодного компромисса***

Конфликт вокруг акватории и островов Южно-Китайского моря (ЮКМ) имеет ряд уровней и аспектов:

1) **геополитический** – между различными глобальными игроками – крупнейшими государствами мира и сформировавшимися вокруг них союзами;

2) **межгосударственный** – уровень прагматических и идеологизированных двусторонних взаимоотношений между государствами региона и между ними и конкретными мировыми гегемонами;

3) **межцивилизационный и внутрицивилизационный**;

4) **внутренне-политический уровень** – в рамках каждой из стран региона, на котором проявляется проблематика территориальных претензий на те или иные части Южно-Китайского моря и островов в ЮКМ.

При этом следует различать аспекты регулирования статуса акватории и островов ЮКМ в рамках:

а) **международного права**;

б) **национального права**;

в) **фактического соотношения военно-политических и экономических сил** в регионе и в мире в целом.

Дальнейшее освещение данного вопроса построено на материалах моего недавнего интервью на информационном канале «Первый казахский», которое я давал 11.09.2020 г. Даниилу Богатырёву [1].

Недавно Тайваньское руководство призвало демократические страны создать коалицию, направленную против экспансии КНР, в том числе и в регионе ЮКМ [2]. Статус подобного предложения является во многом двусмысленным, так как Тайвань не имеет статуса полноправного субъекта международного права (и абсолютным большинством государств мира рассматривается как децентрализованный регион единого Китая), а кроме того, сама *de facto* Китайская Республика на Тайване претендует на те же территории в ЮКМ, что и КНР, а к северу от КНР ещё даже на Монголию [3] и Туву [4].

Создание широкой коалиции против КНР в связи с конфликтом интересов в ЮКМ маловероятно. Так, нынешнее руководство **Филиппин** (президент Родриго Дутерте) рассчитывает на стратегическое сотрудничество с КНР и не намерено «ссориться по мелочам». Хотя в юридическом плане Филиппины были инициатором рассмотрения территориального конфликта в международных инстанциях в 2013-2016 гг. и получили международно-правовую поддержку своего иска по **решению Арбитражного трибунала (состоящего из 5 арбитров), образованного Постоянной палатой третейского суда в Гааге** [5; 6; 7; 8].

Претензии **Брунея** на экономическую зону в регионе ЮКМ невелики и могут быть легко разрешены в ходе взаимоприемлемого компромисса.

Сингапур как бы не соглашается с претензиями КНР на практически всю акваторию ЮКМ и поэтому возражает против переиздания и распространения учебников китайского языка, в которых приведена политическая карта региона ЮКМ с обозначением морских границ в соответствии с официальной позицией КНР [9], но активно противостоять

КНР Сингапур не будет (исходя не только из экономических, но и цивилизационных соображений).

Малайзия и **Индонезия** также не готовы к активному противостоянию с КНР. Практически в конфликт с КНР в связи с распространением КНР своей юрисдикции на обширные районы ЮКМ, включая его острова и создание новых островов, оказываются вовлечены лишь Вьетнам и США.

Социалистическая Республика Вьетнам однозначно определяет острова Хоангша (Парасельские острова или по-китайски – Сиша) и Чыонгша (острова Спратли или по-китайски – Наньша) **как свою суверенную территорию** [10; 11]. В различное время происходили вооружённые столкновения на этих островах и вокруг них между вооружёнными силами Вьетнама и КНР. Теперь сложился определённый статус-кво, при котором часть островов контролируется Вьетнамом, а часть КНР. И каждая из сторон претендует на исключительную правоту именно своих конституционных и международно-правовых позиций.

При этом КНР отказывается признавать как решение Гаагского арбитража, так и саму юрисдикцию указанной выше третейской (арбитражной) инстанции, отвергшей право КНР распространять свой суверенитет на практически всю акваторию и острова ЮКМ.

Вьетнам удерживает контролируемые островные территории, но из-за противодействия КНР ограничен в возможности разработки природных ресурсов в районах ЮКМ, признаваемых СРВ своей исключительной экономической зоной.

А США стараются как на уровне деклараций, так и на уровне практических символических действий своих ВМФ и ВВС активно противостоять вооружённым силам КНР, а также планам КНР развивать свои инфраструктуры в спорных районах региона ЮКМ и использовать природные ресурсы этих районов [12].

США также проявляют готовность снабжать СРВ современной военной техникой, конечно же, за счёт бюджета СРВ. США заинтересованы в

использовании СРВ как временного, тактического союзника в глобальном противостоянии с КНР.

А Вьетнам заинтересован в том, чтобы не только «сохранить лицо» во взаимоотношениях со своим мощным соседом и претендентом на мировую гегемонию в ближайшее время. Вьетнам не может «сдаться» под давлением внешних сил, не может позволить себе уступить контролируемые им острова и право на использование экономических ресурсов региона ЮКМ.

При этом Вьетнам стремится сохранить мир в регионе, ему не нужен вооружённый конфликт и политическое противостояние. СРВ хочет добиться разумного, взаимоприемлемого компромисса с КНР.

У Вьетнама и КНР очень много общего – и в **культурно-цивилизационном плане**, и в сущности и организации **политической и экономических систем**. Крепка историческая память о дружбе и взаимопомощи ДРВ и КНР.

Очень важно, чтобы Китай не шёл по пути самоуверенного гегемона, а понимал, что для него желательно не унижение соседа и партнёра, а достижение с ним достойного компромисса и в вопросах экономических, и в вопросах границ.

В своё время, после распада СССР, все постсоветские государства, имеющие границу с КНР (**Российская Федерация, Казахстан, Киргизия и Таджикистан**) достигли компромисса с КНР в вопросах прохождения межгосударственных границ и передали КНР определённые районы, на которые претендовала КНР (но передали лишь в ограниченных масштабах) [13]. Не возникло ситуации национального унижения, хотя внутри каждой из этих постсоветских стран критика уступок в отношении КНР была. Китай проявил тогда разумную умеренность в своих требованиях и готовность к компромиссам. Главное же – были сняты препятствия в развитии всесторонних отношений с КНР и исчезли угрозы территориальных конфликтов и безопасности границ.

Важны **контакты и переговоры между руководством КНР и СРВ** – как по партийной, так и государственной линии, желательно также и доброжелательное **экспертное обсуждение** сложных проблем статуса акватории и островов ЮКМ. Природная **мудрость народов**, представляющих восточные цивилизации, должна возобладать. Территориальный конфликт в регионе Южно-Китайского моря может быть успешно разрешён **на основе разумного, взаимоприемлемого и взаимовыгодного стратегического компромисса**. СРВ и КНР нужны друг другу как надёжные партнёры и добрые соседи.

1. Кипр спасает Лукашенко. Сербия отказывается от Славянского братства. Мир за неделю. Богатырёв, Якушик. Перший Козацький. 11 сентября 2020, Киев.
<https://www.youtube.com/watch?v=3UmYpCq6SSQ>, минуты: 22:18 – 45:00.
2. Поплавский А. «Игра с огнем»: Тайвань собирает союз против Китая. Глава Тайваня решила дать отпор Пекину с помощью демократического альянса. 09.09.2020.
https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/09_a_13245326.shtml
3. Taiwan (Republic of China)'s Constitution of 1947 with Amendments through 2005.
https://www.constituteproject.org/constitution/Taiwan_2005.pdf
4. Китайцы в связи с крымским кризисом вспомнили потерю Тувы и Монголии. 20.03.2014. <https://ekd.me/2014/03/crimea-mongolia/>
5. Локшин Г. М. Филиппины против Китая в Гаагском арбитраже // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Выпуск XXVIII. № 28. С. 126-133.
<https://sea.ivran.ru/f/26101314.pdf>
6. Локшин Г. М. Международный арбитраж в Гааге: выводы и значение // Вьетнамские исследования. Выпуск 7. Опыт обновления во Вьетнаме: современность и история. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 142-160. <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-arbitrazh-v-gaage-vyvody-i-znachenie>
7. Давлетбаев М. Почему Китай проиграл арбитраж по Южно-Китайскому морю. 1.08.2016. <https://carnegie.ru/commentary/64212>
8. Эббигхаузен Р., Филимонов М. Спор Китая и Филиппин по территориям в Южно-Китайском море: вопросы и ответы. 12.07.2016. <https://www.dw.com/ru/спор-китая-и-филиппин-по-территориям-в-южно-китайском-море-вопросы-и-ответы/a-19396112>

9. Textbook used in Victorian schools repeats Chinese government propaganda.
<https://www.theguardian.com/australia-news/2020/aug/26/textbook-used-in-victorian-schools-repeats-chinese-government-propaganda>
10. Острова Чыонгша и Хоангша – часть тела и крови вьетнамцев. 13.01.2017.
<https://ru.nhandan.com.vn/chinhtri/chinhtri-chuquyen/item/80250-острова-чыонгша-и-хоангша---часть-тела-и-крови-вьетнамцев.html>
11. Чыонгша – острова на передовой. 29.04.2020. <https://vovworld.vn/ru-RU/добро-пожаловать-во-вьетнам/чыонгша-острова-на-передовой-855251.vov>
12. U.S. Position on Maritime Claims in the South China Sea. Press Statement. Michael R. Pompeo, Secretary of State. July 13, 2020. <https://www.state.gov/u-s-position-on-maritime-claims-in-the-south-china-sea/>
13. Ястремский А. М. Отношения Китая с соседями в контексте его территориальных притязаний // Мировая политика. 2015. № 3. С. 23-51.
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15988

Богатырёв Даниил Валерьевич

***Сходства и различия конфликтов морских юрисдикций в
Чёрном и Азовском морях, с одной стороны, и Южно-
Китайском море, – с другой***

Конфликты за право контроля территориальных вод в черноморско-азовском регионе и в Южно-Китайском море имеют как сходства, так и различия. Цель данного доклада – выявить основные из них и выяснить, насколько указанные проблемы вообще сравнимы друг с другом и можно ли выработать некую общую модель для их решения.

Начнём с анализа сходств.

1. В Чёрном и Азовском морях разное видение Россией и Украиной своих территориальных вод и исключительных морских экономических зон проистекает из разного видения границ. После аннексии Крыма в 2014 г. Россия считает все территориальные воды вокруг него своими. Это больше

всего сказалось на Азовском море. До аннексии (а по украинскому видению ситуации – до сих пор) примерно 2/3 его территории было территориальными водами Украины, и примерно треть – России. После 2014 г., в российской трактовке, ситуация изменилась и теперь за Украиной менее 1/3 акватории Азовского моря [1].

В Южно-Китайском море разное видение странами своих исключительных экономических зон также проистекает из разного видения принадлежности территорий. Предметом территориальных споров в Южно-Китайском море являются отдельные группы островов, принадлежность которых оспаривается шестью государствами региона – Китаем, Вьетнамом, Филиппинами, Брунеем, Малайзией и Тайванем. Руководство Поднебесной заявляет о своих исторических правах практически на всю территорию Южно-Китайского моря, используя в качестве главного аргумента документы 1947 г., на которых государственная граница Китая обозначена в виде «девятипунктирной линии». Эта линия охватывает зону приблизительно в 90% всего района Южно-Китайского моря, включая риф Скарборо и острова Спратли. По факту же, острова в Южно-Китайском море (например, на том же архипелаге Спратли) находятся под фактическим контролем разных государств. Это служит обоснованием для версий всех конфликтующих сторон.

Как в случае противостояния Украины с РФ за зоны исключительного экономического влияния и территориальные воды в Чёрном и Азовском морях, так и в случае с противостоянием за акваторию Южно-Китайского моря, имеет место диспропорция военной и экономической мощи между участниками этого противостояния. Россия превосходит Украину в военном отношении как в целом, так и в вопросе боевого потенциала армейских и флотских частей, сосредоточенных в зоне конфронтации. Точно так же Китай по своей военной и экономической мощи превосходит всех остальных участников спора за территориальные воды в Южно-Китайском море.

На этом сходства заканчиваются и начинаются различия.

В Южно-Китайском море основной целью, которую ставят перед собой государства-участники противостояния, является контроль над запасами нефти, залегающими в нём. По данным контролируемой государством Китайской национальной шельфовой нефтяной корпорации (CNOOC), которая является основным китайским подрядчиком по разработке морских месторождений углеводородов, в неосвоенных районах акватории Южно-Китайского моря может содержаться до 125 млрд. баррелей нефти и 500 трлн. куб. м. газа, однако эти данные не подтверждены независимыми исследованиями. И хотя предварительные расчеты о запасах нефти, предоставленные специалистами США (11-28 млрд. баррелей нефти) значительно разнятся с цифрами, которые заявляют китайские исследователи (до 213 млрд. баррелей нефти), все эти оценки являются весьма существенными и представляют особый интерес для стран региона, испытывающих дефицит собственных энергоресурсов [2].

Запасы природного газа **в Чёрном море** в сотни раз скромнее всех вышеперечисленных цифр. Тем более, если говорить о территориальных водах, за которые непосредственно спорят Украина и Россия. И хотя для Украины разработка месторождений в этом регионе представляет интерес, для РФ с её богатыми природными ресурсами, особого интереса в этом нет.

2. В отличие от ситуации с Крымом, в Южно-Китайском море пока не было случаев аннексии территории одного государства другим. Скорее там страны выдвигают друг другу взаимные претензии и у каждой из них есть своя карта желаемого раздела территориальных вод и исключительных экономических зон. Но такого, чтобы одно государство обрело фактический контроль над территориальными водами и экономической зоной другого государства путём аннексии части его территории там пока не случалось.

3. В отличие от Южно-Китайского моря, границы Украины образца 1991 г., включая территориальные воды, были международно признаны (в

том числе и Россией). Исключение составляло, разве что, Азовское море, раздел которого был объявлен делом двусторонних договорённостей между Украиной и РФ.

В Южно-Китайском море вплоть до последнего времени раздел экономических зон не был закреплён ни одним международно-правовым документом. Стороны не признавали притязаний друг друга. 12 июля 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге вынесла вердикт, который утверждал отсутствие у Китайской Народной Республики «исторических прав» на островные образования в Южно-Китайском море [3]. В решении Суда также содержится отрицание прав китайской стороны на рыболовство, разработку полезных ископаемых и ведение какой бы то ни было хозяйственной деятельности в спорной акватории. Однако КНР не признала данного решения и осталась при своих претензиях [4].

4. Если в Южно-Китайском море стороны не могут поделить малонаселённые островные архипелаги, от которых каждая из них стремится отсчитывать свою зону экономического влияния, то в случае с Чёрным и Азовским морями речь идёт о целом полуострове Крым, который признан территорией Украины и до 2014 г. находился под её контролем, а после 2014 г. стал фактически контролироваться Россией. Это обстоятельство закономерно привело к конфликту в видении сторонами своих территориальных вод в Чёрном и Азовском морях.

Как видим, даже при поверхностном сравнении, споры за территориальные воды и зоны исключительного экономического влияния в черноморско-азовской акватории и в Южно-Китайском море имеют больше отличий, чем сходств. Вероятно, как и Филиппины в 2016 г., Украина могла бы получить решение в свою пользу по данному вопросу в международных судах. Однако, как и в случае с Китаем, рассчитывать на его выполнение не приходится. Причиной тому – несопоставимый военный и экономический потенциал сторон.

Иными словами, в условиях нарождающейся новой многополярной системы международных отношений фактический контроль тех или иных государств над территориями и водами определяется не столько международным правом, сколько их возможностью эти территории и воды захватить и удержать.

1. Колесниченко А. Ни пяди морской глади. Чьи моря вокруг Крыма? // АиФ. 30.11.2016.
https://aif.ru/politics/world/ni_pyadi_morskoy_gladi_chi_morya_vokrug_kryma
2. Козлов Д. И. Территориальные споры в Южно-Китайском море: изменения в треугольнике отношений Китай-США-Филиппины. С. 3-4.
https://www.mosgu.ru/nauchnaya/CHO/student_work/student-work-2018/stud_w_2018_7.pdf
3. Золотухин И. Н. Территориальные споры в Южно-Китайском море: современное состояние проблемы // Вестник Восточного университета. 2017. № 4. С. 19.
<https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnye-spory-v-yuzhno-kitayskom-more-sovremennoe-sostoyanie-problemy/viewer>
4. Daiss T. Why the South China Sea has more oil than you think // Forbes. 2016.
<https://www.forbes.com/sites/timdaiss/2016/05/22/why-the-south-china-sea-has-more-oil-than-you-think/#33de0aefdd8f>

Белашко Сергей Александрович

Акватории повышенного конфликтного потенциала

Чёрное и Южно-Китайское моря являются далеко не единственными акваториями, где рост напряжённости может приобрести неконтролируемый характер и привести к эскалации существующих и возникновению новых конфликтов. Ниже рассмотрим некоторые из них, которые имеют стратегическое положение и могут сыграть особую геополитическую роль в XXI веке.

Восточное Средиземноморье

Конфликтогенный потенциал региона увеличился за последние десять лет в результате войн в Сирии и Ливии, эскалации напряжённости в Ливане и Секторе Газа, обнаружения запасов углеводородов на шельфе. В последнее время генератором напряжённости в регионе является Турция, которая проводит очень активную, а часто и агрессивную, политику. Её системными оппонентами выступают Греция, Кипр, Египет и Израиль, а также Франция.

На территории непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра дислоцирован 11-й армейский корпус Вооружённых сил Турции общей численностью свыше 40 тысяч человек [1].

Британия имеет две военные базы на Южном Кипре – Акروتири и Декелию. Они пользуются экстерриториальным статусом, то есть, исключены из правового поля Республики Кипр. При вступлении Кипра в 2004 г. в Евросоюз Акروتири и Декелия не стали частью ЕС [2]. В мае 2019 г. Франция и Кипр подписали соглашение об использовании кипрской военно-морской базы «Эвангелос Флоракис» в городе Мари для нужд французских ВМС [3].

С 2015 г. в Сирии находятся базы Российской Федерации – военно-морская в Тартусе и военно-воздушная в Хмеймиме. В мае 2020 г. российским военным были переданы дополнительные акватории и объекты недвижимости [4].

Средиземное море входит в зону ответственности 6-го флота США. Основное место базирования кораблей США в регионе – Италия, где находятся четыре военно-морские базы (Неаполь, Сицилия, Ла Маддалена, Гаэта), две армейских (Тиррения и Виченца) и одна авиационная (Авиано) – с общим контингентом около 23 тыс. человек [5]. Кроме того, базы США существуют в Албании, Греции, Испании, Косово, Словении, Турции, Хорватии и Черногории.

Отдельно стоит отметить проблему нелегальной миграции. Миграционные потоки, направленные в Европу из Африки и Ближнего

Востока, так или иначе, проходят через Средиземноморье. Это является серьёзным вызовом региональной безопасности. Проблема осложняется разностью подходов стран региона к её решению, желанием отдельных стран (например, Турции) использовать её в своих целях, неоднозначным влиянием международных организаций.

Гибралтарский пролив

Испания претендует на восстановление суверенитета над Гибралтаром, который находится в британской юрисдикции, и где размещены подразделения армии, авиации и флота Соединённого Королевства. Выход Британии из Европейского Союза может в очередной раз актуализировать этот вопрос.

Испания, в свою очередь, имеет аналогичный эксклав в Марокко – Сеуту. При этом между Мадридом и Рабатом существует спор за остров Перихель, который в 2002 г. едва не привёл к вооружённому конфликту [6].

Красное море

Саудовская Аравия последовательно наращивает военно-морское присутствие в регионе, выстраивая союз с Египтом и Суданом. В частности, стоит отметить проект строительства моста между Аравийским и Синайским полуостровами, в рамках которого Египет передал КСА острова Тиран и Санафир.

Регион привлекает внимание и глобальных держав. Так, США, РФ и КНР заинтересованы в создании военно-морской базы на побережье Судана.

Аденский залив

ОАЭ разместила военно-морскую базу на Сокотре и фактически аннексировала этот остров, прикрывающий выход из Аденского залива в Индийский океан и позволяющий контролировать прямой морской путь из Европы в Азию. Аналогичную роль может играть и остров Перим,

находящийся в Баб-эль-Мандебском проливе. Также стоит отметить военную базу ОАЭ в Адене, который при поддержке Абу-Даби фактически стал столицей сепаратистов Южного Йемена.

Небольшое африканское государство Джибути предоставило свою территорию для военных баз Италии, Китая, Пакистана, США, Франции (присутствуют испанский и немецкий контингенты), Японии. Всего в стране с населением меньше миллиона человек базируется около 10 тысяч иностранных военных [7].

Персидский залив

Стратегическое расположение, огромные запасы углеводородов и непростые отношения между государствами региона сделали его одной из наиболее конфликтогенных акваторий мира. Антагонизм Саудовской Аравии и Ирана, противоречия между Саудовской Аравией и Катаром, конфликт шиитского большинства Бахрейна с правящей династией, региональная гонка вооружений – эти и многие другие факторы угрожают миру и стабильности в регионе. Недавнее окончание международных санкций против Ирана означает, что Тегеран в ближайшем будущем постарается приобрести современное противокорабельное оружие, системы ПВО и ПРО, что тоже наверняка поспособствует росту напряжённости.

Красное море, Персидский и Аденский заливы так же, как Аравийское море и Оманский залив, входят в зону ответственности 5-го флота США. Основной пункт базирования – Манама (Бахрейн). Военные базы США находятся во всех странах региона, за исключением Ирана. Кроме того, на Бахрейне расположена британская военная база, а в Катаре – турецкая.

Гвинейский залив

Эта акватория печально известна пиратством, которое изначально имело криминальную природу, но в последние годы всё больше приобретает политический окрас, с участием религиозных экстремистов и радикальных

сепаратистов. Эксперты отмечали крупномасштабную пиратскую активность в Гвинейском заливе и дельте Нигера; основная цель пиратов – нефтяные и химические танкеры, с последующей перепродажей нефтепродуктов [8].

В регионе традиционно сохраняют своё влияние бывшие метрополии – Британия и Франция, которая имеет военные базы в Габоне и Кот-д’Ивуаре. Также здесь активны США, Россия, Китай, Турция и Пакистан, который имеет военную базу в Нигерии.

Японское море

Служит основной ареной противостояния между КНДР и США, у которых четыре военные базы в Японии и три в Южной Корее. Именно в акватории Японского (Восточно-Корейского) моря Пхеньян проводит испытания своих баллистических ракет, в том числе способных нести ядерные боеголовки. Последнее время в регионе наблюдается некоторое снижение напряжённости. Однако причины противостояния сохраняются, и, как свидетельствует история, эскалация может произойти в любой момент.

1. О вооруженных силах Турецкой Республики. <http://www.iimes.ru/?p=26745>
2. Ирхин И. В. Конституционный статус заморских территорий Великобритании и Северной Ирландии (на примере суверенных зон Акротири и Декелия). http://lexrussica.ru/netcat_files/521/703/Stranitsy_iz_Lex_Russica_6_2017_15.pdf
3. Гасюк А. Франция создаст военно-морскую базу на Кипре. 17.05.2019. <https://rg.ru/2019/05/17/franciia-sozdast-voenno-morskuiu-bazu-na-kipre.html>
4. Фахрутдинов Р. Россия расширит свои военные базы в Сирии. 29.05.2020. <https://www.gazeta.ru/army/2020/05/29/13101001.shtml>
5. US Military Bases in Italy. <https://militarybases.com/overseas/italy/>
6. Конфликт из-за острова Перехиль. <http://www.conflictologist.org/konflikt-ispanii-i-marokko-ostrov-perejill.htm>
7. Шпунт А. Пуп земли: как крошечная Джибути построила успешную экономику военных баз. 08.12.2018. <https://regnum.ru/news/polit/2533949.html>
8. Пиратство: тенденции и анализ. http://moran-group.org/upload/file/236_94347480.pdf

Содержание

Бортник Р. О. Предисловие модератора дискуссии	4
Крохмаль В. Г. Делимитация континентального шельфа в Чёрном море (спор между Румынией и Украиной).....	5
Трюхан В. В. Между Украиной и Россией существует международный конфликт, касающийся Чёрного и Азовского морей и Керченского пролива.....	8
Гаевский Д. А. Международное право – основа для разрешения территориальных конфликтов	10
Спиридонов Н. Ю. Необходимо чётко на основе международного права определить юрисдикции в Азовском море и Керченском проливе.....	12
Бизяев Р. В. Морская доктрина Украины должна базироваться на комплексном подходе.....	12
Семений А. В. Нынешние и возможные вызовы для внешней политики Украины в связи с проблемами делимитации морских пространств.....	13
Вигиринский А. В. Как решать противоречие между стратегией национальной безопасности и нормами международного права?	16
Шабовта С. Б. Демонстрация силы, попирающие принципы международного морского права как стойкая негативная тенденция современных межгосударственных отношений.....	17
Константинов В. Ю. В чём суть конфликтов за акватории Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей?	19
Потопахин П. В. Территориальные споры у берегов Вьетнама	24
Данилов А. А. Вьетнам и территориальный конфликт в Южно-Китайском море.....	26

Воля В. А. Территориальные споры в Южно-Китайском море: между политикой и экономическим прагматизмом.....	28
Якушик В. М. Территориальный конфликт в регионе Южно-Китайского моря может быть успешно разрешён на основе разумного взаимовыгодного компромисса	42
Богатырёв Д. В. Сходства и различия конфликтов морских юрисдикций в Чёрном и Азовском морях, с одной стороны, и Южно-Китайском море, – с другой.....	47
Белашко С. А. Акватории повышенного конфликтного потенциала	51

Украинский Институт политики

телефон: +380 63 789 3257

e-mail: uiamp2012@gmail.com

сайт: <https://uiamp.org.ua/>

Спiрнi морськi юрисдикцiї в зонах конфлiкту i конкуренцiї (на прикладах Чорного, Азовського i Пiвденно-Китайського морiв). Збiрник матерiалiв круглого столу, що вiдбувся 6 листопада 2020 р. в м. Києвi. Органiзатори – Український Інститут політики у партнерстві з кафедрою міжнародних відносин i суспiльних наук НУБiП України. / За ред. проф. В. М. Якушика. (Росiйською мовою)

Спорные морские юрисдикции в зонах конфликта и конкуренции (на примерах Чёрного, Азовского и Южно-Китайского морей). Сборник материалов круглого стола, состоявшегося 6 ноября 2020 г. в г. Киеве. Организаторы – Украинский Институт политики в партнёрстве с кафедрой международных отношений и общественных наук НУБiП Украины. / Под ред. проф. В. М. Якушика. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2020. – 58 с.

Спiрнi морськi юрисдикцiї в зонах конфлiкту i конкуренцiї (на прикладах Чорного, Азовського i Пiвденно-Китайського морiв). Збiрник матерiалiв круглого столу, що вiдбувся 6 листопада 2020 р. в м. Києвi. Органiзатори – Український Інститут політики у партнерстві з кафедрою міжнародних відносин i суспiльних наук НУБiП України. / За ред. проф. В. М. Якушика. – Київ: Видавничий дiм Дмитра Бураго, 2020. – 58 с.

Disputed maritime jurisdictions in conflict and competition zones (with special reference to the Black, Azov and South China Seas). Collection of materials of the round table held on the 6th of November, 2020 in Kyiv. Organized by the Ukrainian Institute of Politics in partnership with the Department of International Relations and Social Sciences of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine. / Edited by Prof. V. M. Yakushik. – Kyiv: Dmitry Burago Publishing House, 2020. – 58 p.

Підписано в печать 30.11.2020. Формат 60 x 90 1/16

Усл. печ. л. 3,3. Тираж 100 экз.

Заказ №2017

Для нотаток

Для нотаток